

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-67-75

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ МОШЕННИЧЕСТВА

Надежда Анатольевна Чернявская¹, Ольга Александровна Усачева²✉

¹Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия, chia20081@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2259-9945, SCOPUS Author ID 57995961000

²✉ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия, usachova-o@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-2267-1723, SCOPUS Author ID 57996114100

Аннотация. Статья представляет собой междисциплинарное исследование социально значимого феномена мошенничества с преимущественным вниманием к лингвокогнитивной интерпретации виктимного поведения. Предметом рассмотрения являются когнитивные признаки, формирующие понятийную составляющую концепта «жертва мошенничества». В ходе лингвоконцептуального анализа современных медиа-текстов выявлены и систематизированы сложившиеся в социуме представления о двух разновидностях жертвы — типичной и атипичной, каждой из которых свойствен особый набор доминантных признаков, отражающих физиологические, эмоциональные, ментальные, социальные личностные характеристики. Портрет типичной жертвы формирует комплекс таких понятийных признаков, как доверчивость, ментальная незрелость, склонность к аффективному поведению. Парадигму «нетипичная жертва мошенничества» составляют категории жертв, ментальное развитие и уровень социальной успешности которых является достаточно высоким. Эффективность мошеннической стратегии в отношении нетипичной жертвы определяют ситуативные факторы: кратковременное эмоционально-физиологическое состояние жертвы, поспешность принимаемого решения, а также профессионализм мошенника-манипулятора. По мнению авторов, принципиальным в диагностике виктимности личности выступает комплекс психологических, а не социально-демографических параметров. Обнаружено тесное взаимодействие понятийной и аксиологической составляющей рассматриваемого концепта: доминантные признаки жертвы, как правило, сопровождаются амбивалентной эмоциональной оценкой с явным преобладанием негативных характеристик.

Ключевые слова: жертва мошенничества, виктимность, когнитивные признаки, концепт, пропозиция, пропозициональная структура, манипуляция, манипулятивное речевое воздействие, социально-психологический портрет

Для цитирования: Чернявская Н. А., Усачева О. А. Лингвокогнитивная характеристика жертвы мошенничества // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 67–75. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-67-75.

Original article

LINGUISTIC AND COGNITIVE CHARACTERISTICS OF A FRAUD VICTIM

Nadezhda A. Chernyavskaya¹, Olga A. Usacheva²✉

¹Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia, chia20081@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2259-9945, SCOPUS Author ID 57995961000

²✉Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia, usachova-o@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-2267-1723 SCOPUS Author ID 57996114100

Abstract. The article is an interdisciplinary study of the socially significant phenomenon of fraud with primary attention to the linguocognitive interpretation of victim behavior. The subject of consideration is the cognitive characteristics that form the conceptual component of the concept of “fraud victim”. During the linguo-conceptual analysis of modern media texts, the ideas that have developed in society about two types of victims — typical and atypical, each of which has a special set of dominant features reflecting physiological, emotional, mental, and social

personality characteristics, are identified and systematized. The portrait of a typical victim forms a complex of such conceptual features as credulity, mental immaturity, and a tendency to affective behavior. The “atypical victim of fraud” paradigm consists of categories of victims whose mental development and level of social success are quite high. The effectiveness of a fraudulent strategy in relation to an atypical victim is determined by situational factors: the short-term emotional and physiological state of the victim, the haste of the decision, as well as the professionalism of the manipulative fraudster. According to the authors, a complex of psychological, rather than socio-demographic parameters, is fundamental in the diagnosis of personal victimization. The close interaction of the conceptual and axiological components of the concept under consideration is revealed: the dominant signs of the victim, as a rule, are accompanied by an ambivalent emotional assessment with a clear predominance of negative characteristics.

Keywords: fraud victim, victimization, cognitive signs, concept, proposition, propositional structure, manipulation, manipulative speech influence, socio-psychological portrait

For citation: Chernyavskaya NA, Usacheva OA. Linguistic and Cognitive Characteristics of a Fraud Victim. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):67-75. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-67-75.

Введение

В современном коммуникативном пространстве широкое распространение получили технологии манипулятивного речевого воздействия. Манипулятивный акт предполагает управление поведением адресата путем возбуждения у него намерений, не совпадающих с его реальными желаниями, и направлен на удовлетворение потребностей манипулятора за счет актуализации потребности объекта манипуляции [1; 6; 8]. Соответственно, манипуляции свойственны скрытый, не осознаваемый адресатом характер влияния, подмена целей (обман), психологическая или материальная выгода субъекта воздействия. Очевидно, что основополагающие признаки манипулирования позволяют активно использовать его в криминальных целях.

Ярким проявлением манипулятивного взаимодействия является социально значимый феномен мошенничества. Мошенничеству принадлежит особая роль среди экономических преступлений, при совершении которых широко применяется манипулирование сознанием и поведением жертвы [10. С. 96]. По мнению исследователей, «в большинстве случаев реализация мошеннического обмана невозможна без манипулирования содержанием и формой подачи предоставляемой информации» [10. С. 107]. «Криминальное манипулирование при мошенничестве рассматривается как система средств скрытого психологического воздействия на жертву с целью завладения чужим имуществом или приобретения права на имущество» [11. С. 22].

Несмотря на повышенный интерес лингвистов к проблемам манипулятивного общения, внимание большинства из них сосредоточено на характеристиках субъекта воздействия и используемой им совокупности языковых средств и приемов [4, 7, 9, 14].

На наш взгляд, не менее значимым оказывается изучение социальных и психологических характеристик объекта манипуляции — жертвы мошенничества, во многом определяющих эффективность манипулятивной стратегии и достижение цели инициатора общения. Выявлению психотипов виктивности — поведенческих моделей личностей, склонных оказываться в статусе жертвы, — посвящен ряд работ юридического и психологического, в том числе экспериментального профиля [3, 12, 15, 16 и др.]. Однако многочисленные исследования не позволяют воссоздать четкий социально-психологический портрет жертвы мошенничества: сами авторы отмечают разрозненный, хаотичный, нередко противоречивый характер полученных результатов [12. С. 94].

Цель настоящего исследования — выявление лингвокогнитивной специфики образа жертвы мошенничества, которая определяется составом эксплицируемых данным образом доминантных смыслов, в совокупности формирующих представление о структуре рассматриваемой ситуации и ее рисках.

Актуальность исследования определяется в первую очередь междисциплинарным подходом к рассмотрению изучаемого объекта с преимущественным вниманием к речевым инструментам формирования социально-психологического портрета жертвы мошенничества. Социальная значимость работы заключается в возможности использования её материалов при осуществлении виктимологической профилактики.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили медиатексты XXI века, содержащие характеристики жертвы мошенничества. Анализировались интернет-публикации, а также публицистические тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

В ходе работы использовались следующие **методы**: описательный метод, методы дискурсивного, концептуального и контекстологического анализа.

Антропоцентризм как актуальный принцип гуманитаристики реализуется в репрезентации знаний в качестве когнитивных структур, или концептов, формирующих картину мира носителей языка. Ситуация мошенничества может быть представлена как бинарно организованная концептуальная пропозиция, включающая субъект и объект воздействия (мошенника и его жертву), признаки субъекта и объекта, их типичные действия и отчуждаемый предмет. Показательно, что определяющими с точки зрения достижения результата мошеннического акта в наибольшей степени являются признаки объекта мошенничества — жертвы. Следовательно, набор параметров объекта мошеннического воздействия, на наш взгляд, может рассматриваться как ведущий элемент указанной пропозиции.

В структуре образа жертвы в соответствии с его концептуальным статусом мы выделяем понятийную, ассоциативно-образную и аксиологическую составляющую. Предметом рассмотрения в данной статье будут когнитивные признаки, формирующие понятийную составляющую концепта «жертва мошенничества».

Результаты исследования и их обсуждение

Проанализированные контексты обнаруживают сложившиеся в социуме представления о двух разновидностях жертвы — типичной и атипичной. Каждой разновидности свойствен особый набор признаков, отражающих физиологические, эмоциональные, ментальные, социальные характеристики соответствующих личностей.

Обратимся к анализу образа **типичной** жертвы. Ее портрет формирует комплекс ключевых понятийных признаков: доверчивость, ментальная незрелость, склонность к аффективному поведению.

Доминантным признаком типичной жертвы является такое качество, как **доверчивость**. Синонимическими эквивалентами этой номинации выступают *наивность*, *легковерие* и *простодушие*.

В большинстве проанализированных контекстов акцентируется высокая значимость именно этого качества для успешной реализации намерений мошенника: *Доверчивые граждане для аферистов — это реально удачная находка и 100-процентная жертва обмана* (ntagil.bezformata.com); *Доверчивый человек может*

легко стать жертвой обмана, предательства, мошенничества, вымогательства (b17.ru); *Злоумышленники смотрят не туда, где лежат деньги, а туда, где есть граждане, которые готовы поверить* (fine-news.ru).

Определяющую роль доверчивости потенциальной жертвы в ситуации мошенничества подтверждает регулярное метонимическое отождествление данного признака и субъекта мошеннического акта (мошенника): ср. *стать жертвой своей доверчивости; пострадать от собственной доверчивости; доверчивость может нанести вред*. Доверчивость осмысливается как субъект, оказывающий негативное воздействие на обладателя этого качества: *МВД бьет тревогу: жители Бурятии все чаще становятся жертвой своей доверчивости* (gazeta-n1.ru); *Многие люди, страдающие от своей наивности, даже не пытаются меняться и делать какие-то выводы* (stakanchik.media). Показательно частое вынесение рассматриваемых метонимических выражений в сильную позицию текста — в позицию заголовка, а также употребление лексем доверчивость и мошенник в ряду однородных членов предложения: *Московский таксист Сергей Панфилов уверен, что стал жертвой собственной доверчивости и мошенника, который сумел ею воспользоваться* (chelovekizakon.ru); *Пожилая женщина стала жертвой своей доверчивости и телефонных мошенников* (mkivanovo.ru).

В контекстуальных описаниях жертвы нередко присутствуют маркеры чрезмерной степени проявления доверчивости, выхода данного качества за рамки общепринятой нормы. Широко используются наречия *излишне*, *слишком*, *чрезмерно*, *чересчур* и др.; прилагательные *чрезмерный*, *абсолютный*, *безграничный*, *крайний*, а также номинации, характеризующие потенциальную жертву: *простофиля*, *простак*, *лох*, *лопух*, *легковерный*, *простодушный*, *наивный*: *Я попадала на удочку мошенников не раз. Слишком я доверчивая* (bolshoyvopros.ru); *Аферисты и мошенники, как раз и зарабатывают на излишней человеческой доверчивости и наивности* (72.мвд.рф); *В некоторых случаях чрезмерная доверчивость и открытость носят невротический характер. В этом состоянии человек буквально нарывается на обман* (b17.ru); *Торговец БАДами съедет на три года. Из легковерной пациентки он вытянул миллион рублей* (https://spbdnevnik.ru); *Если есть наивный лох, то найдется и мошенник* (saitotziv.ru).

Излишняя доверчивость оценивается носителями языка негативно: *В современном мире,*

где существуют множество скрытых интентов, быть **слишком доверчивым** и добрым — это даже **опасно** (intrigue.dating); **излишняя доброта, открытость и доверчивость** кажется **странным и неестественным** (b17.ru); **наивность** время от времени вызывает **не умиление, а раздражение и агрессию** (stakanchik.media).

Подобные примеры негативной оценки жертвы также акцентируют ее ведущую роль в ситуации мошенничества. Высказывая идею о формировании категории псевдодоверительности в современном информационном обществе, которой свойственно «иллюзорное субъективное ощущение полной свободы при объективной абсолютной зависимости и манипулируемости субъекта восприятия информации в условиях безграничного доверия к ней», И. В. Глушко прямо подчеркивает опасность доверчивости человека для его физического и психического здоровья [5. С. 230].

Ментальная незрелость жертвы мошенничества проявляется в комплексе таких качеств, как некомпетентность, неосмотрительность, некритичность и ригидность мышления.

Успешному осуществлению мошеннического акта, как правило, способствует **некомпетентность** жертвы в важнейших, необходимых для социального взаимодействия областях человеческого знания — в сфере цифровых технологий, финансово-экономических и правовых отношений. Для характеристики рассматриваемого качества употребляются слова и выражения **некомпетентный, неосведомленный, неопытный, безграмотный, неграмотный, недостаточно грамотный, несведущий, невежественный, низкая грамотность, незнание, отсутствие знаний, непонимание** и др.: **Мошенники играют на недостаточной финансовой и цифровой грамотности людей** (ПГ, 30.07.2021); **Преступники упирают на незнание людей <...> люди не знают, что такое счет, какие операции можно проводить по картам** (alt.kp.ru). **Рекомендации потенциальным жертвам мошенничества нередко содержат имплицитное указание на недостаточность или отсутствие у них необходимых знаний: Чтобы не попасть на «удочку» мошенников, надо всегда обращаться за советом к сведущим специалистам** (orbital96.ru); **Эксперт порекомендовал тщательно проверять информацию, а также пользоваться консультациями специалистов, которые способны отличить подделку от настоящего документа** (life.ru).

Во многих контекстах некомпетентность по своей значимости приравнивается к доминант-

ному признаку жертвы — доверчивости: **И первая причина, почему человек идёт на поводу у мошенников — это доверие, вызванное неопытностью и неосведомленностью** (b17.ru); **Доверчивые и безграмотные: как мошенники дураят нас** (smolensk.bezformata.com); **Мошеннику нетрудно подобрать ключик к человеку некомпетентному и излишне доверчивому** (potrebitel-russia.ru).

Ряд контекстов обнаруживает и общую оценку интеллектуального уровня жертвы, как правило, резко отрицательную и категоричную: **глупый, недалёкий, недоразвитый, дурак, дурачок, идиот, скудоумие, безумие** и др.: **Глупая омичка сняла 300 тысяч и для «безопасности» перевела их аферистам** (omskinform.ru); **Пока в России будет много дураков, будет много мошенников** (Ведомости, 31.08.2004); **Обмануть можно только реально недоразвитого человека, который не пользуется банками** (dzen.ru); **Отправлять какому-то незнакомому человеку свои деньги может только клинический идиот** (dzen.ru); **Я всё-таки считаю полным безумием перечислять большую сумму денег, не имея товара на руках** (dzen.ru).

Непосредственной причиной акта мошенничества часто называется **неосмотрительность** жертвы — неспособность или нежелание думать о последствиях предпринимаемых действий. В изучаемых контекстах зафиксированы лексемы **неосмотрительный, непредусмотрительный, недалёковидный, необдуманный, неосторожный, беспечный** и др.: **Житель города Апатиты из-за собственной неосмотрительности лишился 90 тысяч рублей** (youtube.com); **В прошлом году амурчане по собственной беспечности потеряли 25 миллионов рублей** (ampravda.ru).

Показателем ментальной незрелости жертвы мошенничества является **некритичность** мышления — неспособность к анализу, объективной оценке ситуации, собственных действий и действий окружающих людей, неумение распознать недостоверную или искажённую информацию: **Люди отвыкли думать логически, этим пользуются мошенники** (pravda.ru); **У таких людей снижена способность к критическому мышлению, поэтому информация, озвученная незнакомцем, не вызывает сомнений** (dzen.ru).

Люди с некритичным мышлением подвержены внушению — целенаправленному неаргументированному воздействию, при принятии решений они ориентируются на стимулы внешней среды, а не на собственный опыт и интеллект. Повышенная **внушаемость** личности напрямую связана

с угрозой ее безопасности и уязвимостью: Почему же именно эти люди чаще всего становятся жертвами мошенников? Дело в том, что они **чрезвычайно внушаемы** (ulanmedia.ru); Жертвы телефонных мошенников, которых мы видим в последние годы, – это **примеры внушаемости** (aif.ru); Мошенники ищут именно **внушаемых людей** (kuzbass.media).

Медiateксты очень часто описывают случаи мошенничества, основанные на вере людей в предрассудки – гадания, предсказания, магические услуги: *Мошенница выманила 220 тыс. рублей у пенсионерки в Орле под предлогом **снятия порчи*** (Изв., 26.02.2018); *Их берут в оборот мошенники, люди распродают имущество и влезают в долги, чтобы оплатить дорогостоящие «**магические**» услуги* (ПГ, 13.03.2019).

Обращает на себя внимание и такая особенность жертвы, как **ригидность** мышления — неготовность или неспособность изменять неэффективное поведение. Это качество проявляется парадоксально: безосновательно и безоговорочно доверяя мошеннику, человек игнорирует предупреждения специалистов, публикации в СМИ, многократно повторяющиеся объявления (в транспорте, по радио и т. п.) и другие настораживающие сигналы, проявляет недоверие к попыткам сотрудников банка и полиции предотвратить его опрометчивые действия, нередко сопротивляется здравым доводам обеспокоенных родственников: *Сотрудники банка отмечают, что **очень сложно убедить** человека **не выполнять инструкции аферистов**. Порой, даже у полицейских **не получается отговорить** человека **не переводить деньги** мошенникам — **жертва настолько убеждена, что участвует** в «**спецоперации**» или **спасает свои сбережения** (life.akbars.ru); *Многие клиенты так глубоко попадают под обаяние мошенников, что **отмахиваются от предупреждений** банка и **подтверждают операцию*** (Изв., 12.03.2018); *У них параллельно возникает **недоверчивость** к тем, кто ставит ограничения, — близким, правоохранителям, памяткам безопасности* (minmol.sakha.gov.ru).*

В этом отношении показательно распространение сниженных негативнооценочных характеристик жертвы в составе фразеологизированных конструкций, подчеркивающих ее пренебрежение даже личным опытом: *многоцветная жертва; ничему жизнь не учит: опять/в который раз повелся; наступать на одни и те же грабли; попадаться на одни и те же приемы; привычка плыть по течению и под.* Психологи выделяют

примерно 10 % населения, которые не только являются потенциальными жертвами для финансовых мошенников, но и **попадают на крючок раз от разу**. Они **не обучаются даже на собственном опыте** (citysakh.ru).

Типичная жертва мошенничества **склонна к аффективному поведению**: для нее характерны повышенная тревожность, эмоциональная нестабильность и импульсивность. Таким людям свойственны, с одной стороны, быстрый переход к состоянию панического страха, а с другой — неуждержимость в своих стремлениях, желаниях. Контексты, характеризующие эмоционально-психологическое состояние участников ситуации мошенничества, как правило, содержат лексические единицы, эксплицирующие семантику страха, паники, а также азарта, алчности, неустойчивости перед соблазнами.

Среди лексем, описывающих эмоционально нестабильное состояние жертвы, зафиксированы страх, паника, беспокойство, тревога, тревожность, испугаться, запаниковать: *Очень распространённая причина быть обманутым — это **страх**. **Страх**, **подпитываемый** мошенниками **нагнетающей паникой** и предложением помощи* (b17.ru); *Жертвами становятся люди, которые длительное время находятся в состоянии **беспокойства*** (life.akbars.ru); *Люди **реально пугаются настолько**, что не могут адекватно воспринимать происходящее* (ampravda.ru).

Значимыми признаками жертвы мошенничества являются нездоровое любопытство, азартность, алчность, неспособность противостоять соблазнам. Люди, стремящиеся к легкой прибыли, легко поддаются обману. Для характеристики такой личности используются лексические единицы *жадность, алчность, корысть, желание разбогатеть, желание получить легкие деньги, польститься, слабости, соблазн* и др.: *Самые востребованные пороки людей, которые позволяют мошенникам их обманывать, неизменны: это **алчность и жадность*** (ufa.mk.ru); *Мошенники играют на **желании** человека **разбогатеть*** (Изв., 13.07.2020); *«**Быстрые деньги**» всегда **соблазнительны**. На этой **слабости** и играют мошенники* (moskvichmag.ru).

Показательно, что нередко мошенники добиваются цели благодаря корыстной мотивации самой жертвы: *В обманутом всегда есть что-то, что **роднит его с преступником**: например, **жажда наживы**. Аферист играет на том, что человек **хочет что-то получить дешево или вообще бесплатно, быстро и не прикладывая сил*** (m24.ru).

Закономерно, что эмоциональные особенности жертвы имеют тесную связь с ее ментальными свойствами. Аффективное состояние значительно снижает уровень рационального мышления, способность трезво оценивать ситуацию, осознанно относиться к происходящему: *Мошенникам склонны верить люди с истероидным типом личности. Они импульсивны, легко заводятся, часто испытывают страх и тревогу. Их также отличает реактивный стиль поведения: они не осмысливают информацию, а сразу стараются что-то сделать* (plus-one.ru); *Многие люди в состоянии эйфории попадают на уловки. Критическое мышление выключено. Господствуют эмоции* (pro-psy.center); *Воздействуя на эмоциональную часть мозга, мошенники вызывают мгновенную необдуманную реакцию* (safe-surf.ru).

Выявленные и проанализированные качества в комплексе обнаруживают инфантилизм потенциальной жертвы мошенничества. Эмоциональная нестабильность, импульсивность, неразвитость критического мышления, чрезмерная доверчивость и беспомощность безусловно относятся к чертам детского коммуникативного поведения. Как отмечает И. В. Глушко, формирование доверчивости происходит на этапе взросления индивида и предшествует становлению доверия как качества зрелой личности [5]. Приходится констатировать, что типичной жертвой мошенника оказывается личность ментально и социально незрелая, неспособная принимать самостоятельные решения и критически оценивать стимулы внешней среды.

Подчеркнем, что результаты исследований, нацеленных на выявление социально-демографических характеристик жертвы мошенничества, противоречивы [2, 13, 15, 16]. Так, очевидное, на первый взгляд, предположение, что в группе риска люди преклонного возраста и женщины, в ходе проведенных экспериментов и наблюдений нередко опровергается. Уровень образования потерпевших, социальный статус также могут быть различными. На наш взгляд, принципиальным в диагностике виктимности личности выступает комплекс именно психологических, а не социально-демографических параметров.

Обратимся к парадигме «нетипичная жертва мошенничества», формируемой особыми категориями жертв, ментальное развитие и уровень социальной успешности которых является достаточно высоким: это квалифицированные специалисты-профессионалы, в том числе в сфере информационной безопасности, правовых и финансово-экономических отношений, личности с вы-

соким уровнем критического мышления и эмоционального интеллекта, скептики.

Специфика данной категории жертв на речевом уровне почти всегда подчеркивается употреблением усилительной частицы *даже*, которая используется как маркер передачи информации, противоречащей ожиданиям: *Среди потерпевших ведь не только пенсионеры или люди не самого высокого социального статуса, но даже менеджеры, нотариусы, финансовые управляющие — люди, которые в таких вещах, как финансовая дисциплина и безопасность, «собаку съели»* (ampravda.ru); *К сожалению, это распространённая афера, на которую попадают многие люди, даже очень умные, грамотные и успешные* (ru.wikihow.com); *В итоге мошенникам отдают деньги даже те, кто знает про их схемы и хорошо разбирается в технологиях* (journal.tinkoff.ru).

Показательно использование факта обмана высококвалифицированных, экономически и юридически компетентных личностей для создания сенсационных заголовков. Привлечению внимания читателей способствует эффект неожиданности, парадоксальность содержания подобных названий: *В Кемерове преподаватель по кибербезопасности перечислил мошенникам 4 млн рублей* (КП, 13.10.2023); *Написавший книгу «Как не стать жертвой мошенников» нижегородский ректор попался на уловку аферистов* (<https://tvzvezda.ru>); *Развели «следака». Преподаватель Академии СКР отдал мошенникам 3,4 миллиона* (АиФ, 26.11.2021).

Спецификой публикаций, описывающих акт успешного мошеннического обмана нетипичной жертвы, является рассуждение о причинах этого явления. Важным компонентом пропозиции становится ситуативный, даже случайный фактор. Как правило, это кратковременное эмоционально-физиологическое состояние стресса, рассеянности, усталости, а также вынужденная, искусно навязываемая мошенником поспешность принятия решения: *Кто-нибудь, отвлекаемый делами, уставший, с рассеянным вниманием, запросто может щелкнуть на ссылку. Пара сотен таких уставших или торопящихся «клиентов» в день, и работа мошенника выполнена более чем успешно* (pomysliven.blogspot.com); *Пострадать от действий жуликов может любой человек. Чаще всего мы попадаем на удочку мошенников в состоянии стресса, повышенной тревожности, раздражительности или депрессии* (psychologies.ru). *И когда ему предлагают якобы*

помощь, он **в спешке охотно соглашается**, даже не удосужившись проверить, а соответствуют ли изложенные факты действительности (АиФ, 26.11.2021).

Интересны наблюдения о чрезмерной самоуверенности нетипичной жертвы, ее убежденности в собственном превосходстве, профессиональной экспертности, которые вполне могут становиться причинами реализации мошенником преступных целей: *Главный помощник мошенника — тщеславие потенциальной жертвы, когда человек хочет быть лучше всех и считает себя таковым* (Изв., 24.12.2023); *Излишняя самоуверенность является важным фактором уязвимости. Люди, добившиеся высоких результатов в одной области (например, в военном деле), могут переоценить свои способности к должной осмотрительности в другой области* (ideanomics.ru).

Немаловажным фактором, вовлекающим в круг потенциальных жертв мошенничества критически настроенных, образованных людей, оказывается высокий профессионализм и убедительность самого субъекта воздействия, манипулятора: *Действительно, попасться может любой, и это важно. Жертва — не простачки. Просто мошенники профи* (b17.ru); *Аферисты работают по тщательно отточенным схемам* (объясняем.рф); *Явно используют НЛП, и люди там умные. Многоходовки готовят* (dzen.ru). Как отмечает О. Р. Онищенко, «применение современных психотехнологий направленного психологического воздействия делает уязвимым в отношении мошеннических посягательств большой круг лиц, не имеющих типичных психологических и социально-демографических особенностей, характерных для потерпевших от мошенничества» [11. С. 8].

Заключение

Таким образом, в ходе исследования установлено, что ситуация мошенничества может быть представлена как бинарно организованная концептуальная пропозиция, включающая субъект и объект воздействия (мошенника и его жертву), признаки субъекта и объекта, их типичные действия и отчуждаемый предмет. Эффективность манипулятивной стратегии мошенника определяется комплексом психологических характеристик объекта манипуляции — жертвы мошенничества.

В ходе лингвоконцептуального анализа современных медиатекстов выявлены и систематизированы сложившиеся в социуме представления о двух разновидностях жертвы — типичной и атипичной, каждой из которых свойствен особый набор ключевых признаков, отражающих физиологические, эмоциональные, ментальные, социальные личностные характеристики.

Портрет типичной жертвы формирует комплекс таких понятийных признаков, как доверчивость, ментальная незрелость, склонность к аффективному поведению. Показателем ментальной незрелости типичной жертвы является ее некомпетентность, нескритичность и ригидность. Предрасположенность к аффективному реагированию выражается в повышенной тревожности, эмоциональной нестабильности и импульсивности поведения. Выявленные и проанализированные качества обнаруживают инфантилизм потенциальной жертвы мошенничества. Типичной жертвой мошенника оказывается личность ментально и социально незрелая, неспособная критически оценивать стимулы внешней среды и принимать самостоятельные решения, ориентированная на упрощенные, клишированные схемы реагирования.

Парадигму «нетипичная жертва мошенничества» формируют категории жертв, ментальное развитие и уровень социальной успешности которых является достаточно высоким. На успешность мошеннической стратегии в отношении нетипичной жертвы, на наш взгляд, влияют ситуативные факторы: кратковременное эмоционально-физиологическое состояние стресса, рассеянности, усталости, ослабляющие критичность мышления; искусно навязываемая мошенником поспешность принятия решения.

Немаловажным фактором, вовлекающим в круг потенциальных жертв мошенничества критически настроенных, образованных людей, оказывается высокий профессионализм самого манипулятора в совокупности с чрезмерной самоуверенностью нетипичной жертвы, её убежденностью в собственном интеллекте и экспертности.

Можно утверждать, что принципиальным в диагностике виктимности личности выступает комплекс психологических, а не социально-демографических параметров.

Список источников

1. Авдеенко Е. В. Манипуляция сознанием и манипуляция поведением: социально-философский анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 176–183.
2. Астафьев К. В. Виктимологический аспект мошенничества (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 267 с.

3. Беркович О. Е., Матрёшина Е. Б., Иванова Д. В. Психологические причины виктимного поведения жертвы мошеннических действий в интернет-пространстве // Гуманитарный научный вестник. 2023. №11. С. 115–122.
4. Виноградова С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 95–101.
5. Глушко И. В. Амбивалентный характер доверия в коммуникативных социальных практиках современного российского общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 9. С. 228–233.
6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2003. 304 с.
7. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2020. 239 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Родина, 2022. 462 с.
9. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2012. 170 с.
10. Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М., 2008. 166 с.
11. Онищенко О. Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Рязань, 2005. 25 с.
12. Первушина О. Н., Фёдоров А. А. Личностные особенности жертв телефонного мошенничества // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 3. С. 92–103.
13. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 234 с.
14. Шагбанова Х. С. Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 5А. С. 72–80.
15. Hanoch Y., Wood S. The Scams Among Us: Who Falls Prey and Why // Current Directions in Psychological Science. 2021. no. 30(3). P. 260–266. URL: <https://doi.org/10.1177/0963721421995489>
16. Norris G., Brookes A., Dowell D. The Psychology of Internet Fraud Victimization: a Systematic Review // J Police Crim Psych. 2019. no. 34. P. 231–245. URL: <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09334-5>

References

1. Avdeenko EV. Manipulyatsiya soznaniem i manipulyatsiya povedeniem: sotsial'no-filosofskiy analiz. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura = THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 2023;4(77):176-183. (In Russ.).
2. Astaf'ev KV. Viktimologicheskij aspekt moshennichestva (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie) = Victimological aspect of fraud (criminal law and criminological research). Thesis. Kazan'; 2007. 167 p. (In Russ.).
3. Berkovich OE, Matreshina EB, Ivanova DV. Psikhologicheskie prichiny viktirnogo povedeniya zhertvy moshennicheskikh deystviy v internet-prostranstve. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*. 2023;(11):115-122. (In Russ.).
4. Vinogradova SA. Instrumenty rechevoy manipulyatsii v politicheskom mediadiskurse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2010;(2):95-101. (In Russ.).
5. Glushko IV. Ambivalentnyy kharakter doveriya v kommunikativnykh sotsial'nykh praktikakh sovremenogo rossiyskogo obshchestva. *Nauchno-metodicheskij elektronnyy zhurnal «Kontsept» = Scientific and methodological electronic journal «Concept»*. 2018;(9):228-233. (In Russ.).
6. Dotsenko EL. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita = Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. Sankt-Peterburg; 2003. 304 p. (In Russ.).
7. Issers OS. Rechevoe vozdeystvie = Speech effects. Moscow; 2020. 239 p. (In Russ.).
8. Kara-Murza SG. Manipulyatsiya soznaniem = Manipulation of consciousness. Moscow; 2022. 462 p. (In Russ.).
9. Koptina GA. Rechevoe manipulirovanie = Speech manipulation. Moscow; 2012. 170 p. (In Russ.).
10. Kroz MV, Ratinova NA, Onishchenko OR. Kriminal'noe psikhologicheskoe vozdeystvie = Criminal psychological impact. Moscow; 2008. 166 p. (In Russ.).
11. Onishchenko OR. Manipulirovanie soznaniem i povedeniem zhertv pri moshennichestve = Manipulation of the consciousness and behavior of victims in fraud. Abstract of thesis. Ryazan'; 2005. 25 p. (In Russ.).
12. Pervushina ON., Fedorov AA. Lichnostnye osobennosti zhertv telefonnogo moshennichestva. *Voprosy psikhologii = Voprosy psikhologii*. 2022;68(3):92-103. (In Russ.).

13. Rivman DV. Kriminal'naya viktimologiya = Criminal victimology. Sankt-Peterburg; 2002. 234 p. (In Russ.).
14. Shagbanova KhS. Yazykovye sredstva rechevogo manipulirovaniya. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy = Theories and problems of political research*. 2020;9(5a):72-80. (In Russ.).
15. Hanoch Y, Wood S. The Scams Among Us: Who Falls Prey and Why. *Current Directions in Psychological Science*. 2021;30(3):260-266. Available at: <https://doi.org/10.1177/0963721421995489>.
16. Norris G, Brookes A, Dowell D. The Psychology of Internet Fraud Victimization: a Systematic Review. *J Police Crim Psych*. 2019;(34):231-245. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09334-5>.

Информация об авторах

Н. А. Чернявская — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации.

О. А. Усачева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации.

Information about the authors

N. A. Chernyavskaya — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate professor of the Department of Russian Language and Mass Communication.

O. A. Usacheva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate professor of the Department of Russian Language and Mass Communication.

Статья поступила в редакцию 28.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 28.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.